

Толика правды

Анатолий
ГЕНАТУЛИН

1. Когда я учился в Литинституте, пытался что-то выжать из своего скудного дара, ребята подсунили мне Ремарка — «На Западном фронте без перемен».

Я и раньше читал, конечно, о войне, но все было неправдой, какие-то хохлы-балагуры, опереточные бои. А у Ремарка и батальных сцен совсем нет, но до того эта книга правдива, как будто о нас, о рядовом солдате.

Потом появилась наша военная проза. Особенно потряс меня Константин Воробьев, его повести «Крик», «Убиты под Москвой». Я очень высоко его ставлю, рядом с Василем Быковым. Но тогда так их топтали: оконная правда, короткое зрение! Вот и я попробовал писать о войне и первую повесть «Атака» послал в «Наш современник». Но мне растолковали, что это за пределами советской литературы, буржуазный пацифизм, у меня все трусят, боятся, а нужно побольше героизма...

2. Несмотря на то что о войне так много написано, о ней не сказано и малой толики правды. Как и любое явление, война многослойна и неохватна. Стрелки на штабных картах, решения в генеральских мозгах, страхи, надежды рядового солдата перед боем... Можно быть гениальным художником слова, проницательным психологом, но передать словами переживания человека на войне почти невозможно. Читатель про-

чет, удивится наблюдательности автора, тонкости психологической детали (смерть штаб-капитана Михайлова у Толстого), но пульс не учащается, в горле не пересохнет. Словом, рассказ, повесть, роман о войне, выполняя специфическую задачу изящной словесности, не передадут читателю то, что я называю чувством войны. Восстановить его в послевоенной памяти невозможно. Его надо пережить.

Один хороший писатель как-то посоветовал мне писать о войне так, чтобы, прочитав, человек ужаснулся. (Сам он пишет мастерски.) Но ведь не ужаснется. На путях войны от Ленинграда до Эльбы я видел трупов много. Но я не смог бы написать о том, что в солдатских трупах копошатся черви и плодятся крысы. Наверное, у меня робкая и застенчивая душа, или, может, я понимаю, что смакованием ужасов людей не превратишь в пацифистов и войн не предотвратишь.

Толстой сказал, что война — явление противное человеческой природе. Если противно, почему воюют? Тысячи войн, миллиарды трупов! «Война — продолжение политики другими средствами». (Кажется, Клаузевиц или, может, Бисмарк?) Да, войну начинают политики, но почему же миллионы, подчиняясь воле кучки людей, идут убивать и умирать? Воюют из-за клочка территории, воюют за славу полководца, воюют, чтобы покорить, пограбить соседние народы, воюют из-за сбыта какого-то сукна, иногда и не поймешь, из-за чего воюют люди. Ведь главное, нет никакого смысла в этих войнах, никто никого не побеждает, вернее, потом история распоряжается так, что победители становятся побежденными, побежденные продолжают жить как победители. Римляне завоевали полмира, а Рим стоит на прежнем месте в голенище итальянского сапога, а на Британских островах, завоеванных Цезарем, только катакомба в Кольчестере.

Может быть, все дело в несовершенстве человека. Природа дала человеку свободный от животных инстинктов мозг, чтобы соображал, и язык для переговоров. Выходит, она что-то недоработала. Ведь, как ни говорите, человеку, мужчине, нравится воевать. Посмотрите, как красиво сработано оружие, какая целесообразность и дизайн. От револьвера до ракеты. Надо защищать родину? От кого защищать-то? От такого же, как ты, человека. Он сидит за бугром, боится тебя, а ты боишься его. А под ногами у вас единый для всех каменный шарик, над головой одно солнце.

Я, написавший о своем маленьком «окопном» опыте, описавший войну как жизнь, когда война — антижизнь, дожив до пятидесятилетия Победы, стал предаваться таким вот странным размышлениям. Вероятно, не новым и банальным даже. Если бы теперь я писал что-нибудь о войне, пытался бы передать именно вот эти мысли.

Мир. Новьги. - 1995. - 30 апр. - 4 мая. - С. 80